

Ли Цюань нутром чуял: дела в лагере принимают совсем скверный оборот.

Стоило кому-то из поваров показаться на виду, как у парней на плацу глаза наливались голодной зеленью. Солдаты в синих одеждах, насквозь пропитавшиеся ароматом вареного риса, казались им ходячими деликатесами — пухлыми, сочными мясными свертками, которые так и подмывало развернуть.

Ли Цюань и сам был не лучше: едва завидев стряпню, он начинал глотать слюну, а в глазах плясали золотые искры. Вот и сейчас, неся обед военному советнику, он не сводил взгляда с главного повара — дородного мужика, похожего на откормленного кабана, предназначенного на заклание. Слюна потекла по подбородку тонким ручейком.

В животе протяжно заурчало. У Ли Цюаня подогнулись колени, он качнулся, но вовремя устоял. Потуже затянув пояс на тощей талии, он кое-как унял голодную резь.

Заставлять здоровых двадцатилетних парней трижды в день хлебать пустую жижу — испытание не из легких. Если бы не три строгих приказа генерала, в лагере давно вспыхнул бы бунт. Спасало лишь то, что генерал Фань велел помощнику Яну привязать к древку знамени свиток императорского указа на ярко-желтом шелке.

Во-первых, это позволяло простым солдатам, отродясь не видевшим ничего, кроме своей деревни, приобщиться к величию государя. Во-вторых, как объяснил Помощник генерала Ян, личное распоряжение императора означало, что провиант уже в пути — нужно лишь немного потерпеть.

Ли Цюань мало смыслил в государственном величии, его заботило только второе. И пусть он был неграмотен, но слова командира, подкрепленные видом императорского шелка, давали надежду. Порой ночью, проснувшись от голода, он вместе с товарищами сидел под флагштоком. Закрывая глаза, они грезили о столичных яствах, но в итоге засыпали и видели во сне простую домашнюю еду.

Погруженный в свои думы, Ли Цюань добрался до шатра военного советника. Но стоило ему заглянуть внутрь, как оттуда вылетела тяжелая курильница. Ли Цюань едва успел пригнуться, бережно прижимая к себе миски, чтобы не расплескать драгоценную жижу.

— Убирайся! Снова каша! Еще и с ошметками капустных листьев! Этот господин не станет такое есть! — в шатре бушевал Фан Уби. С тех пор как уехал Бай Фэн, советника стало некому умирать. Он разъярился, словно объелся острого перца: пылал праведным гневом и жалил каждого, кто попадался под руку.

Прежний рассыльный не выдержал такой службы и, приложив все усилия, спихнул это неблагодарное дело на Ли Цюаня.

Пригнувшись, солдат осторожно проскользнул внутрь. Глядя на миску с кашей, он снова

сглотнул, вдыхая едва уловимый аромат риса. С трудом отведя взгляд, Ли Цюань попытался вразумить советника:

— Военный советник, человеку же нужно есть. Без еды откуда возьмутся силы? Прошу вас, съешьте хоть немного.

Будь Фан Уби так прост в обращении, Бай Фэн не ценился бы столь высоко. Советник валялся на тахте, уставившись в потолок. Выглядел он изнуренным, но орал на редкость бодро:

— Унеси! Меня воротит от одного запаха!

Ли Цюань искренне удивился, поглаживая свой пустой живот:

— Советник, неужто в вас осталось хоть что-то, чем можно вытошнить?

Фан Уби поморщился. Он решительно не понимал, что Фань Ло нашел в этом недотепе.

Заметив, что обстановка накалилась, Ли Цюань перестал прикидываться дурачком и с усмешкой поставил еду на стол:

— Советник, поешьте. Негоже так изводить собственное тело.

— Я не голоден! Вон! — Но едва он выкрикнул это, в тишине шатра раздался раскатистый звук, похожий на удар грома. Живот советника предательски заурчал.

Ли Цюань хитро прищурился, а лицо Фана залилось краской, став розовым, как спелый персик. Разозлившись окончательно, советник закричал:

— Разве это еда?! Пойло для свиней! Выходит из тебя быстрее, чем успеваешь проглотить, и жрать хочется еще сильнее!

Ли Цюань почесал затылок. Он не видел в каше ничего плохого. В столице он порой и такой бурды не видел — обноски из богатых домов мигом разхватывала свора маленьких побирушек. Если удавалось раздобыть лепешку, он отдавал её слабой сестренке, а сам набивал чрево травой да дождевой водой. Теперь он голодал, но, вспоминая былые годы, не жаловался. Вот только как уговорить господина поесть?

Ли Цюаню пришла в голову блестящая мысль. Он подскочил к тахте и весело спросил:

— Советник, а какое ваше самое любимое блюдо?

Фан Уби повернулся на бок. Он насмешливо посмотрел на него:

— Я буду называть лучшие столичные яства. Ты их в жизни не пробовал, неужели поймешь?

— А вы расскажите, — не обиделся солдат. — Дайте и мне хоть помечтать.

Фан Уби скептически взглянул и резко сел, обмахиваясь веером:

— Что ж, слушай. В столичной башне Тяньсян готовят знаменитый «Язык, расцветающий лотосом». Выбирают лучшие языки старых уток, мелко шинкуют их, обжаривают в ароматном масле, пока они не начнут сворачиваться, а после поливают золотистым медовым соусом. Когда блюдо подают к столу, аромат стоит такой, что голова кружится. Стоит коснуться кусочков палочками, как они разворачиваются и снова сжимаются, будто живые. И вот ты кладешь это в рот... ох...

Фан Уби зажмурился от восторга и причмокнул. Ли Цюань, едва не захлебнувшись слюной, пробормотал:

— Советник... и каково оно на вкус?

Фан Уби внезапно открыл глаза и ехидно улыбнулся:

— Вкус? Хе-хе, не скажу!

—...

— Ха-ха-ха! Видел бы ты свою рожу! Облизывайся теперь! — Советник так и покатился со смеху, хлопая ладонью по постели. Истинный столичный фронт, обожающий подразнить тех, кто проще.

Ли Цюань криво усмехнулся.

«Бай Фэн, Бай Фэн, — подумал он, — и у тебя вкус не лучше моего».

Тяжело вздохнув, солдат снова приободрился:

— Ну что, советник, на душе-то полегчало?

Фан Уби перестал смеяться и подозрительно оглядел парня:

— Полегчало. И что с того?

— Вот и славно! Вы теперь представьте в уме этот ваш «язык» или что там еще, и под эти мысли ешьте кашу. Глядишь, и проскочит! — Ли Цюань сиял, гордясь своей находкой. Он сам в последнее время только так и выживал: представлял жирную свинину и хлебал пустую воду.

Но лицо Фан Уби мгновенно почернело. Он ткнул в Ли Цюаня дрожащим пальцем:

— Ты... да как ты смеешь?! Вздумал надо мной издеваться?!

— А? Да я и в мыслях не имел! — Ли Цюань всплеснул руками. — Я лишь хотел помочь вам поесть!

Но Фан Уби уже не слушал. С детской капризностью он схватил деревянную подушку и запустил её в солдата:

— Вон! Пошел прочь!

— Ой! Советник, бейте меня сколько влезет, только еду не портите! — вскрикнул Ли Цюань, уворачиваясь. Он искренне переживал за миску с кашей.

Но было поздно.

Раздался звонкий треск — Фан Уби со всей силы пнул поднос, не оставив от обеда и следа...

Ли Цюань вышел из шатра с понурой головой, прижимая к груди черепки. Он никак не мог взять в толк: почему один начальник так разительно отличается от других?

Ли Цюань видел: помощники генерала Ян и генерала Вэй едят ту же баланду, что и простые солдаты. Военный врач Цюй и вовсе жевал какие-то коренья, уверяя, что это полезно для здоровья, хоть и воняло от них за версту.

А генерал... Стоило вспомнить о генерале, как на сердце у Ли Цюаня становилось тяжело. Генерал Фань ранен, он еще не оправился! Ему бы восстанавливать силы, а он голодает вместе со всеми. Это же форменное самоубийство!

Ночами Ли Цюань при свете свечи украдкой разглядывал командира: скулы стали острее, кожа — блее мела, сам он словно иссох и стал прозрачным. Ли Цюань готов был завить от бессилия — такая красота, и одни кости остались! Что же делать?

Он пытался договориться с поварами: мол, отдаст свой паек, лишь бы генералу сварили нормального риса. Но повар в ужасе замахал руками:

— Парень, у меня семья, не губи! Генерал лично приказал, чтобы его стол не отличался от солдатского. Если я послушаю тебя — это нарушение приказа, за такое и головы лишиться недолго!

От этих мыслей Ли Цюань совсем приуныл. И так плохо, и эдак не выходит, еще и этот столичный неженка нервы мотает... голова кругом!

— Эх, что же делать-то? — он тяжело вздохнул, глядя в небо.

Ему вспомнилось детство: такие же голодные дни, риса всё меньше, а надо еще как-то кормить сестренку.

Пока он стоял, понуриив плечи, в вышине раздалось резкое «курлы-курлы». Клин осенних гусей тянулся с севера на юг. Ли Цюань проводил их взглядом. Наверное, последние улетають. Скоро горы оденутся в серебро, и если провиант не прибудет, зима станет для них братской могилой...

Внезапно Ли Цюань вздрогнул. Он изумился и ошалело огляделся вокруг. Посмотрел на синее небо, на поросшие лесом склоны, на бегущую воду. А потом со всей силы хлопнул себя по лбу и гаркнул:

— Ну и дурак же я! Совсем в солдатах ум растерял! С каких это пор люди в горах с голоду умирают?

Сорвавшись с места, он вихрем умчался прочь.

Прошло несколько часов. Солнце скрылось за горизонтом, окрашивая небо в багровые тона. Повеяло осенней прохладой, но Фан Уби, уютно устроившийся в шатре у жаровни, холода не замечал.

Вот только в животе снова началось восстание. Он открыл глаза, посмотрел на пустой стол, и лицо его снова омрачилось:

— Проклятье! Куда этот недотепа провалился? Время-то какое! Он что, решил меня голодом уморить?!

В запальчивости он совсем забыл, что сам вышвырнул Ли Цюаня вместе с обедом.

Фан Уби повернулся к стене и свернулся калачиком, баюкая пустой желудок:

— Только Фэн-эр обо мне заботился, — пробормотал он. — А остальным на мою смерть плевать. А ведь мой отец — сам военный министр...

С этими мыслями он начал проваливаться в дремоту, надеясь увидеть во сне Бай Фэна и столичные деликатесы. Но едва он закрыл глаза, полог шатра резко отлетел в сторону. Внутри ворвался ледяной сквозняк, от которого Фан Уби так и подскочил.

«Да чтоб вас! Кто там такой дерзкий?!» — вскипел он. Но едва советник обернулся, чтобы разразиться проклятиями, как прямо перед своим носом увидел морду дикой утки с серыми остекленевшими глазами! Резкий запах дичины ударил в ноздри, а мертвый взгляд птицы казался взором мстительного призрака.

— Мамочки! — взвизгнул Фан Уби и так рванулся назад, что кубарем полетел с тахты.

— Ой, советник, вы чего это? — раздался растерянный голос Ли Цюаня. Грязная рука поспешила подхватить его и поднять на ноги.

Фан Уби, не чувствуя благодарности, отпихнул руку и завопил:

— Ли Цюань! Ты меня до смерти напугать решил?!

Солдат в недоумении почесал затылок, приподнимая за лапы утку, в боку которой торчал обломок стрелы:

— Советник, вы же сами говорили, что уток любите. Чего ж тут пугаться?

— Е-есть... это есть? — Фан Уби вытаращился на птицу, не сразу придя в себя. — Это... мне?

— Ну конечно! — Ли Цюань широко улыбнулся. — Сезон-то почти кончился, охота выдалась непростая. Но я все-таки раздобыл парочку. Вы же про утиные языки толковали? Вот, выбрал самую жирную.

—... — Фан Уби нахмурился, не зная, что и сказать.

Ли Цюань, не заметив его замешательства, продолжал радостно:

— Не знаю, сумеет ли наш повар приготовить тот ваш лотос, но дикая утка — штука знатная. Советник, с такой добавкой вы ведь больше не станете миски бить, а?

— Кто их бил! — вскинулся Фан Уби, хотя его глаза-персики бегали. — Ты сам её и разбил!

— Ладно-ладно, я разбил. Так что, советник, нести на кухню? — Ли Цюань примирительно улыбнулся, точно взрослому ребенку, который капризничает над тарелкой.

Фан Уби хотел было съязвить, но осекся. Он посмотрел на чумазое лицо солдата, на его покрасневшие от холода уши, на слой грязи и хвои на поношенной форме... и на окровавленные тряпки, которыми была обмотана рука парня.

В груди что-то кольнуло. Слова, уже готовые сорваться с языка, застряли в горле.

Прошло немало времени, прежде чем он выдавил из себя небрежное, но тихое:

— Гм... Неси.

<http://bllate.org/book/17414/1662269>